

ЯСУНАРИ КАБАТА

ТЫСЯЧЕКРЫЛЫЙ ЖУРАВЛЬ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
К12

Серия «Эксклюзивная классика»

Yasunari Kawabata
SENBAZURU

Перевод с японского З. Рахима

Серийное оформление А. Фереза, Е. Ферез

Компьютерный дизайн В. Воронина

В оформлении обложки использована картина
Кацусики Хокуся «Местность Умэдзава в провинции Сагами».

Печатается с разрешения наследников автора и литературного
агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Кавабата, Ясунари.

К12 Тысячекрылый журавль : [роман] / Ясунари Кавабата ; [перевод с японского З. Рахима]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-156079-9

«Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина» — библейская цитата, удивительно точно передающая «верхний», «сюжетный» слой романа Ясунари Кавабаты «Тысячекрылый журавль». История о нервном, рефлексиирующем молодом человеке Кикудзи, которому одна из любовниц покойного отца навязчиво пытается заменить мать и сосватать невесту, другая зачем-то заводит с ним роман, а он влюбляется в ее дочь, испытывающую, в свою очередь, к нему сложные и неоднозначные чувства, в исполнении западного автора изрядно отдавала бы комедией, но Кавабата был японцем, а потому его пронизанный национальной символикой (в которой сквозные образы журавля и чайной церемонии лишь наиболее очевидны) и многочисленными аллюзиями и отсылками к шедеврам хэйанской и самурайской эпохи роман был и остается одним из самых блестящих, аристократически изысканных и неоднозначных произведений прошедшего столетия.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© The Heirs of Yasunari Kawabata, 1949-1951
© Перевод. З. Рахим, наследники, 2023
© Перевод стихов. Н. Сидемон-Эристави, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

ТЫСЯЧЕКРЫЛЫЙ ЖУРАВЛЬ

1

Даже вступив на территорию камакурского храма, Кикудзи все еще продолжал колебаться, идти ему или не идти на эту чайную церемонию. К началу он все равно уже опоздал.

Устраивая чайные церемонии в павильоне храмового парка Энкакудзи, Тикако Куримото регулярно посылала ему приглашения. Однако после смерти отца Кикудзи не был там ни разу. Он не придавал значения этим приглашениям, считая их обычным проявлением уважения к памяти покойного.

Но на этот раз, помимо обычного текста, в приглашении была маленькая приписка — Тикако собиралась показать ему одну девушку, свою ученицу.

Прочитав приписку, Кикудзи вдруг вспомнил родимое пятно на теле Тикако. Отец однажды взял его с собой к этой женщине. Ему тогда было лет восемь или девять. Когда они вошли в столовую, Тикако сидела в распахнутом кимоно и крохотными ножницами стригла волосы на родимом пятне. Темно-фиолетовое пятно, величиной с ладонь, захватывало всю нижнюю половину ее левой груди и дохо-

дило почти до подложечки. На нем росли волосы. Их-то и стригла Тикако.

— Боже мой, вы с мальчиком!

Она, кажется, смутилась. Хотела вскочить, но потом, очевидно, подумала, что такая поспешность только увеличит неловкость и, чуть повернувшись в сторону, неторопливо закрыла грудь, запахнула кимоно и заправила его под оби.

Видимо, мальчик, а не мужчина заставил ее смутиться — о приходе отца Кикудзи Тикако знала, ей доложила об этом прислуга, встретившая гостей на пороге.

Отец в столовую не вошел. Он уселся в соседней комнате, гостиной, где Тикако обычно проводила свои уроки. Рассеянно разглядывая какэмоно* в стенной нише, отец сказал:

— Позволь чашку чая.

— Сейчас, — отозвалась Тикако.

Но она не торопилась встать. И Кикудзи увидел расстеленную на ее коленях газету, а на газете коротенькие черные волоски, точно такие, какие растут на подбородке у мужчин.

Был яркий день, а наверху, на чердаке, беззастенчиво шуршали крысы. У самой галереи цвело персиковое дерево.

Тикако, присев у очага, стала готовить чай. Ее движения были какими-то не очень уверенными.

А дней через десять после этого Кикудзи услышал разговор отца с матерью. Мать, словно открывая страшную тайну, рассказала отцу про Тикако:

---

* Какэмоно — вертикально висящая картина или каллиграфическая надпись, выполненная на полосе бумаги или шелка.

оказывается, у бедняжки огромное родимое пятно на груди, поэтому она и не выходит замуж. Мать думала, что отец об этом ничего не знает. Лицо у нее было печальное — наверное, она жалела Тикако.

Отец сначала только мычал, всем своим видом показывая удивление, потом сказал:

— Н-да... конечно... Но она ведь может предупредить жениха... Если он будет знать о пятне заранее, может быть, даже посмотрит на него, я думаю, это не повлияет на его решение...

— Вот и я то же самое говорю! Но разве осмелится женщина признаться мужчине, что у нее огромное родимое пятно, да еще на груди...

— Глупости, она уже не девица...

— Да, но все равно стыдно... Если бы родимое пятно было у мужчины, это бы не играло никакой роли. Он мог бы показать его жене даже после свадьбы — она бы только посмеялась.

— И что же, она показала тебе это родимое пятно?

— Что вы, не говорите глупостей!

— Значит, только рассказывала?

— Да. Сегодня, когда она пришла к нам давать урок, мы разговорились. Ну, она и разоткровенничалась... А вы что скажете — как может отнестись к этому мужчина, если она все-таки выйдет замуж?

— Н-не знаю... Может быть, ему будет неприятно... А прочем, иногда в этом есть свое очарование. К тому же этот недостаток может пробудить в муже особую заботливость, вскрыть хорошие стороны его характера. Да и не такой уж это страшный недостаток.

— Вы так думаете? Вот и я ей говорила, что это не недостаток. А она все твердит — пятно-то, мол, на самой груди!

— М-м-м...

— И знаете, самое для нее горькое — это ребенок. Муж-то уж ладно. Но если будет ребенок, она говорит, и подумать даже страшно!..

— Из-за родимого пятна молока, что ли, не будет?

— Почему не будет? Дело не в этом. Ей горько, что ребенок увидит пятно. Она, должно быть, все время об этом думает... Мне такое и в голову не приходило... А она говорит: представьте, ребенок берет материнскую грудь, и первое, что он увидит, будет это безобразное родимое пятно. Ужасно! Первое впечатление об окружающем мире, о матери — и такое уродство! Это ведь может повлиять на всю его жизнь... Черное родимое пятно...

— М-м-м... По-моему, все это напрасные страхи, разыгравшееся воображение...

— Конечно! В конце концов есть же искусственное питание для малышей, да и кормилицу можно взять.

— Родимое пятно — ерунда, главное, чтобы у женщины молоко было.

— Не знаю... Все же вы не совсем правы... Я даже всплакнула, когда ее слушала. И подумала, какое счастье, что у меня нет никаких родимых пятен и что наш Кикудзи никогда не видел ничего подобного...

— Н-да...

Кикудзи охватило справедливое негодование — неужели отцу не стыдно притворяться, будто он ни-

чего не знает! И при этом отец не обращает никакого внимания на него, Кикудзи. А он ведь тоже видел это родимое пятно на груди Тикако!

Теперь, почти через двадцать лет, Кикудзи все представлялось в ином свете. Он смеялся, вспоминая об этом. Неловко тогда было отцу, вот уж, наверное, переволновался!

Но в детстве Кикудзи долго был под впечатлением того разговора. Ему исполнилось десять лет, а он все еще мучился тревогой, как бы у него не появились брат или сестра, которых будут кормить грудью с родимым пятном.

И самым страшным было не то, что ребенок появится в чужом доме, а то, что вообще будет жить на свете ребенок, вскормленный грудью с огромным, покрытым волосами родимым пятном. В этом существе будет что-то дьявольское, что всегда будет внушать ужас.

К счастью, Тикако никого не родила. Наверное, отец не допустил этого. Кто знает, может быть, печальная история о младенце и родимом пятне, заставившая мать прослезиться, была придумана и внушена Тикако отцом. Само собой разумеется, он не жаждал иметь ребенка от Тикако, и она не родила. Ни от него, ни от кого-либо другого после его смерти.

Тикако, очевидно, решила предварить события, рассказав матери Кикудзи о своем родимом пятне. Она боялась, что мальчик проболтается, потому и поторопилась.

Она так и не вышла замуж. Неужели родимое пятно действительно оказало такое влияние на ее жизнь?..

Впрочем, и Кикудзи не мог забыть этого пятна. Очевидно, оно должно было сыграть какую-то роль и в его судьбе.

И когда Тикако под предлогом чайной церемонии сообщила, что хочет показать ему одну девушку, перед глазами Кикудзи сейчас же всплыло это пятно, и он подумал: уж если Тикако рекомендует девушку, у нее, наверное, безусловно чистая кожа.

Интересно, как отец относился к этому родимому пятну? Может быть, поглаживал его рукой, а может даже покусывал... Кикудзи порой почему-то фантазировал на этот счет.

И сейчас, когда он шел через рощу, окружавшую горный храм, те же мысли, заглушая щебетание птиц, рождались в его голове...

С Тикако происходили определенные изменения. Уже года через два-три после того, как он увидел ее родимое пятно, она вдруг сделалась мужеподобной, а в последнее время и вовсе превратилась в существо неопределенного пола.

Наверное, и сегодня, на чайной церемонии, она будет держаться не по-женски самоуверенно, с каким-то наигранным достоинством. Кто знает, может быть, ее грудь, так долго носившая на себе темное родимое пятно, уже начала увядать... Кикудзи почему-то стало смешно, он чуть было не засмеялся вслух, но в этот момент его нагнали две девушки.

Он остановился, уступая им дорогу.

— Скажите, пожалуйста, по этой тропинке я дойду до павильона, где Куримото-сан устраивает чайную церемонию? — спросил Кикудзи.

— Да! — разом ответили девушки.

Он отлично знал, как пройти. Да и девушки в нарядных кимоно, спешившие по этой тропинке, явно направлялись на чайную церемонию. Но Кикудзи задал вопрос нарочно — чтобы ему уже было неудобно повернуть обратно.

Та девушка, которая держала в руках розовое крепдешиновое фуросики* с белым тысячекрылым журавлем, была прекрасна.

2

Кикудзи подошел к чайному павильону в тот самый момент, когда опередившие его девушки уже надели таби** и собирались войти внутрь.

Через их спины он заглянул в комнату. Комната была довольно просторная, около восьми татами***, но народу набилось очень много. Сидели вплотную, почти касаясь коленями друг друга. Кикудзи не разглядел лиц — яркость и пестрота нарядов несколько ослепили его.

Тикако поспешно встала и пошла ему навстречу. На ее лице были и удивление, и радость.

— О-о, редкий гость, прошу вас, проходите! Как это мило с вашей стороны, что вы к нам заглянули! Вы можете пройти прямо здесь. — Она указала на ближайшее к нише сёдзи.

---

* Фуросики (букв. «баный коврик») — квадратный платок, в котором носят мелкие предметы.

** Таби — традиционные японские носки с отделением для большого пальца.

*** В Японии принято измерять площадь комнаты в татами, татами равно примерно 1,5 м².

Кикудзи покраснел, чувствуя на себе взгляды всех находившихся в комнате женщин.

— Кажется, здесь одни дамы? — спросил он.

— Да. Были и мужчины, но уже разошлись, так что вы будете единственным украшением нашего общества.

— Ну что вы, какое же я украшение!

— Нет, нет, Кикудзи-сан, у вас столько прекрасных качеств! Вы действительно будете настоящим украшением.

Кикудзи показал ей жестом, что пройдет через основной вход.

Красивая девушка, заворачивая таби в фуросики с тысячекрылым журавлем, вежливо отступила в сторону, пропуская его вперед.

Кикудзи прошел в соседнюю комнату. Там были разбросаны коробки из-под печенья, чашек и прочей утвари, принесенной для чайной церемонии. Тут же лежали вещи гостей. За стеной в мидзюя служанка мыла посуду.

Вошла Тикако и села перед Кикудзи, да так поспешно, словно упала перед ним на колени.

— Ну как, красивая девушка, не правда ли?

— Какая? Та, у которой фуросики с тысячекрылым журавлем?

— Фуросики с журавлем? Не понимаю! Я говорю о девушке, которая только что тут стояла. О дочери Инамуры-сан.

Кикудзи неопределенно кивнул.

— О, с вами надо быть начеку, Кикудзи-сан! Вон какие мелочи вы замечаете. А я уж было подумалась вашей ловкости, думала, вы вместе пришли.

— Будет вам!

— Ну уж если по дороге встретились, значит, и впрямь судьба. Да и ваш отец ведь был знаком с Инамурой-сан.

— Разве?

— Да. Инамура-сан из солидного купеческого дома. Они раньше торговали в Йокогаме шелком-сырцом. Но девушка ничего не подозревает о наших планах, так что можете спокойно ее рассматривать.

Тикако говорила очень громким голосом, и Кикудзи ужасно боялся, как бы гости, отделенные от них всего лишь тонкой перегородкой, ее не услышали. Но тут Тикако наклонилась и зашептала ему на ухо:

— Все хорошо, если не считать одной маленькой неприятности. Знаете, пришла госпожа Оота, и вместе с дочерью... — Она сделала паузу и посмотрела на Кикудзи, как он будет на это реагировать. — Не подумайте только, что я ее специально пригласила. Вы же знаете, на чайную церемонию может зайти любой прохожий. Таков обычай. Здесь только что побывали две группы американских туристов. Вы уж не сердитесь на меня, ладно? Оота-сан слышала, что состоится чайная церемония, вот она и пожаловала. Но про вас — почему вы сегодня пришли — она, конечно, не знает.

— А я сегодня и не... — Кикудзи хотел сказать: «И не собираюсь устраивать смотрины», но язык у него словно прилип к гортани.

— Впрочем, неудобно должно быть не вам, а госпоже Оота. А вы держитесь как ни в чем не бывало.

Эти слова задели Кикудзи. Связь Тикако с его отцом, очевидно, была недолгой и не очень серьезной. До самой смерти отца эта женщина продолжала бывать у них в доме. Ее приглашали уже не только для устройства чайных церемоний, но и просто помочь по хозяйству, когда приходили гости. Она превратилась в нечто среднее между компаньонкой и служанкой. Тикако часто работала на кухне вместе с матерью. Ревновать к ней отца было бы просто смешно — настолько мужеподобной стала она в последние годы. Мать, должно быть, и не ревновала, хотя и догадывалась, что в свое время ее супруг, видимо, довольно тщательно ознакомился с пресловутым родимым пятном. Но все уже было позади, в прошлом, и Тикако держалась абсолютно непринужденно, когда они вдвоем с матерью возились на кухне.

Кикудзи постепенно привык, что эта женщина всегда была к услугам их семьи, всегда была готова исполнить любой его каприз, и мало-помалу мучительное детское отвращение к ней прошло, уступив место легкому пренебрежению.

Может быть, пристав к семье Кикудзи, Тикако просто-напросто нашла удобный способ существования. Очевидно, такой образ жизни, равно как и мужеподобность, были заложены в ее натуре.

Во всяком случае, благодаря их семье Тикако снискала своего рода популярность как преподавательница чайной церемонии.

Когда умер отец, Кикудзи и вовсе примирился с Тикако и даже изредка ее жалел: кто знает, может быть, она после единственной в своей жизни и та-

кой мимолетной, почти иллюзорной связи подавила в себе женщину.

Мать относилась к ней ровно, без подчеркнутой враждебности. Оно и понятно — в последнее время ее тревожила не Тикако, а госпожа Оота.

Господин Оота, приятель отца по чайной церемонии, умер рано, отец взял на себя распродажу оставшейся после него чайной утвари и сошелся с его вдовой.

Тикако сразу об этом пронюхала, первой информировала мать и вдруг превратилась чуть ли не в приятельницу супруги своего бывшего любовника. Защищая интересы матери Кикудзи, она развила бурную, даже слишком бурную деятельность: выслеживала отца, время от времени усовещивала и запугивала вдову Оота, безо всякого стеснения являясь к ней домой. Казалось, в груди Тикако проснулась долго дремавшая ревность.

Мать Кикудзи, женщина застенчивая и робкая, совсем растерялась от такого энергичного вмешательства и жила в постоянном страхе перед, казалось, неизбежным скандалом.

Тикако даже в присутствии Кикудзи не стеснялась поносить госпожу Оота. А когда однажды мать попыталась ее урезонить, сказала:

— Пусть он тоже знает, это ему полезно.

— Представляете, — говорила она матери, — когда я у нее в последний раз была, ее девчонка, оказывается, сидела в соседней комнате и подслушивала. Я говорю, возмущаюсь, естественно, и вдруг слышу — за стенкой кто-то рыдает...

— Девочка?.. — По лицу матери пробежала тень.

— Ну да, ее дочка. Ей, кажется, уже лет двенадцать. Ох, и устроили они спектакль! У этой госпожи Оота, по-моему, не все дома. Что бы сделал на ее месте нормальный человек? Выбранный бы ребенка за подслушивание и увел бы его куда-нибудь подальше. А она пошла в соседнюю комнату, вернулась с дочерью, обняла ее и усадила к себе на колени. И представляете, обе актрисы, и престарелая и малолетняя, начали напоказ лить слезы.

— Как же так?.. Жалко ведь девочку...

— Кому жалко, а кому и нет. Девчонка очень даже подходящее средство, чтобы повлиять на госпожу Оота... — Тикако перевела взгляд на Кикудзи. — Да и детям иногда это на пользу. Вот и Кикудзи-сан мог бы сказать отцу пару слов...

Тут уж мать не выдержала:

— Прошу вас, придержите свой язык! Слишком уж он у вас ядовитый!

— Ядовитый? И очень хорошо! А вы, Оку-сан, весь свой яд при себе держите, вместо того чтобы разом его выплеснуть, да и отвести душу. Вы вон как исхудали, а той ничего не делается, кругом гладкая. Небось еще несчастной жертвой себя воображает, думает, если у нее случилось горе, то можно вздыхать и плакать напоказ, а гадости делать исподтишка. Нет, вы представьте только: в гостиной, где она принимает вашего мужа, на самом видном месте красуется фотография покойного хозяина дома! Я просто удивляюсь, как ваш супруг все это терпит!

И вот сейчас, после смерти отца, эта дама, которую Тикако так поносила, явилась сюда, на чайную церемонию, да еще не одна, а с дочерью.

Кикудзи внутренне передернуло, его словно окатили холодной водой.

Пусть сегодня, как утверждает Тикако, госпожа Оота пришла без приглашения, но если она вообще могла сюда прийти, значит, после смерти отца обе женщины поддерживают между собой какие-то отношения. Может быть, госпожа Оота даже дочь посылает к Тикако обучаться чайной церемонии... Все это было для Кикудзи полной неожиданностью.

— Если вам неприятно, может, попросить Оота-сан уйти? — спросила Тикако, заглядывая в глаза Кикудзи.

— Мне совершенно безразлично. А если сама догадается, пусть уходит.

— Не надейтесь, не такая она догадливая. Иначе не пришлось бы страдать ни вашему отцу, ни вашей матушке.

— Вы сказали, она пришла с дочерью?

Кикудзи никогда еще не видел дочь госпожи Оота. И сейчас он подумал — нескладно все получается... Госпожа Оота, ее дочь и девушка с тысячекрылым журавлем... С этой девушкой не хотелось бы встречаться в присутствии дочери Оота, которую он сегодня увидит впервые.

Но назойливый голос Тикако так и лез ему в уши, подхлестывая и щекоча нервы, и Кикудзи поднялся.

— Как бы то ни было, Оота-сан уже знает, что я здесь. Не бежать же мне или прятаться.